

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

И. Л. Фадеева

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЛИТИКЕ ПОРТЫ НАЧАЛА 70-х годов XIX в.

В середине XIX в., особенно после Крымской войны 1853—1856 гг., вмешательство европейских держав в дела Османской империи постепенно приобретает характер полуколоннальной экспансии. Наибольшим влиянием в Стамбуле в эти годы пользовалась Англия, предоставлявшая Порте кредиты, занимавшая первое место во внешней торговле империи и получившая здесь первые концессии. Британский кабинет более полувека активно поддерживал целостность Османского государства, причем его политика имела ярко выраженную антирусскую направленность.

Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. в Англии впервые обратили пристальное внимание на политику Османского государства и проявили озабоченность по поводу его будущего. Премьер-министр Великобритании Вильям Питт Младший, видя неоспоримое военное превосходство России над Турцией, одержавшей в двух войнах блестящие победы, усмотрел опасность ее соперничества. Усиление России, рост ее политического престижа в Европе и стремление к выходу из Черного моря в Средиземное представлялись угрозой прежде всего для английского пути в Индию. В Лондоне образовалась враждебная России группа политиков во главе с Питтом. Хотя в те годы Питт и его немногочисленные сторонники не имели в парламенте поддержки, необходимой для открытого противоборства с Россией, уже с этого времени английское правительство важной целью своей внешней политики начинает считать сохранение целостности Османского государства в противовес России, а Порты, в свою очередь, почти столетие ориентировалась на западноевропейские государства, главным образом на Англию (хотя имели место и отступления от этого курса). Когда Наполеон вторгся в Египет, Порты заключила в 1799 г. оборонительный союз с Россией, продленный затем в 1805 г. После русско-турецкой войны 1806—1812 гг., в немалой мере спровоцированной наполеоновской дипломатией, наступает период ухудшения русско-турецких отношений вплоть до начала 30-х годов XIX в. Восстание египетского паши Мухаммеда Али (1831—1841),

отказ Англии оказать вооруженную помощь султану и предложенная поддержка России побудили турецкое правительство подписать с последней в 1833 г. Ункияр-Искелесийский договор. Однако со второй половины 30-х годов наибольшее влияние в Османской империи постепенно приобретает Англия. После Крымской войны русско-турецкие отношения оставались натянутыми и вследствие прозападной ориентации Порты, а также поддержки, которую Россия продолжала оказывать борьбе балканских народов за национальную независимость.

В начале 70-х годов многолетняя ориентация Порты на западноевропейские государства (Англию и Францию) претерпевает изменения. С 1870 г. снова появляется тенденция к сближению Турции с Россией. Инициатива в этом принадлежала русскому послу в Стамбуле генералу Н. П. Игнатьеву, который, хотя и учитывал возможность военного конфликта с Турцией, тем не менее в эти годы пытался добиться политического влияния России мирным путем, с тем чтобы использовать его для поддержки балканских народов. Характеризуя этапы русской политики в Османской империи во время своего пребывания в Стамбуле, Н. П. Игнатьев писал о периоде 1869—1871 гг.: «Все усилия направлены на мирное урегулирование положения христиан и отмену Парижского договора без чрезмерных жертв. Этот период завершился Лондонской конференцией 1871 г.»¹.

После заключения Парижского мирного договора 1856 г. Россия выжидала удобного момента для пересмотра унизительных для ее престижа статей договора, касавшихся нейтрализации Черного моря, т. е. запрета для России и Турции иметь в Черном море военный флот и военно-морские арсеналы². Отмена принципа нейтрализации во многом зависела от Турции как непосредственно заинтересованной державы.

Новая расстановка сил в Европе после поражения Франции в войне с Пруссией 1870—1871 гг. благоприятствовала этим планам России. Обескровленная и капитулировавшая Франция не могла ей противодействовать; что же касается Англии, то она с конца 60-х годов по ряду причин временно отходит от активной политики в Стамбуле³. Не рассчитывая больше на прежних союзников, Турция начинает искать другие ориентиры во внешней политике. В этой ситуации она опасалась обострить отношения с Россией, поэтому правительство, возглавляемое великим везиром Мехмедом Аали-пашой, крупным государственным деятелем и лидером второго периода Танзимата (1856—1871), выразило готовность пойти навстречу усилиям русской дипломатии. В последние годы жизни, исходя из реалий новой международной ситуации, Аали-паша начал пересматривать свою многолетнюю и последовательную позицию сторонника европейской ориентации.

На Лондонской конференции по вопросам режима Черного моря и Проливов (5/17 января — 1/13 марта 1871 г.) Порты, несмотр-

ря на давление Англии и Австрии, выступила независимо, и ее посол в Лондоне Константин Мусурус-паша не согласился с формулировкой одной из важных статей протокола, предложенной Англией. В инструкции из Стамбула ему предписывалось энергично бороться против предложения открыть Проливы, так как Порта не могла допустить беспрепятственный проход военных судов мимо Стамбула. Вместо этого Мусурус-паше предлагалось отстаивать право Турции закрывать и открывать Проливы по своему усмотрению, причем это не должно было служить поводом к каким-либо представлениям со стороны держав⁴.

В конце концов была принята компромиссная формулировка, которая и была положена в основу конвенции о Проливах 1871 г. В ней говорилось: «Закрытие Дарданелльского и Босфорского проливов, как оно было установлено сепаратной конвенцией 30 марта 1856 г., сохраняет свою силу, с правом, предоставленным Е. И. В. султану, открывать указанные проливы в мирное время для военных судов дружественных и союзных держав в том случае, когда Блистательная Порта найдет это необходимым для обеспечения исполнения постановлений Парижского трактата 30 Марта 1856 г.»⁵.

Такая формулировка удовлетворяла русскую дипломатию, потому что новая редакция заменила явно направленный против России английский проект; удовлетворяла она и Турцию, так как давала султану право открывать Проливы для своей обороны, и Запад, поскольку в договоре была ссылка на созданный усилиями западных держав Парижский трактат.

Более существенные изменения во внешней и внутренней политике Порты произошли в 1871 г. после смерти Аали-паши и с приходом к власти правительства Махмуда Недим-паши, человека, по выражению Н. П. Игнатьева, второстепенной значимости в сравнении с Аали-пашой. Последовавшие перемены были отмечены всеми иностранными дипломатами. В отчете за 1871 г. российский канцлер А. М. Горчаков писал: «Султан стремится к личному управлению делами, и такое намерение заставляет предполагать много неожиданностей и фантазий в будущей деятельности турецкого правительства»⁶. По свидетельству современников, характер правления Абдул Азиза был в целом авторитарным⁷, однако прежде, в силу компетентности и большого авторитета Аали-паши и Фуад-паши в турецкой администрации и кругах европейских дипломатов, султан считался с ними и доверял им управление страной. «Если в течение некоторого времени Европа привыкла видеть установившийся в Турции в период правительства Али и Фуада менее ненадежный порядок вещей,— сообщал в одном из донесений Н. П. Игнатьев,— то это происходило из потрясающего превосходства этих двух государственных деятелей, которым следует приписать этот эффект их продолжительной и почти исключительной администрации»⁸. Теперь же, после смерти Аали-паши не ос-

талось достойного преемника, что также было отмечено русским послом в Стамбуле⁹.

Абдул Азиз считал, что самодержавная власть русского царя достойна восхищения и может служить примером. По его мнению, каждый министр должен был отчитываться непосредственно перед султаном, что возвысило бы авторитет последнего в глазах высших сановников и чиновничества¹⁰. Во время его поездки в Европу в 1867 г. на Абдул Азиза большое впечатление произвела политическая система и армейская структура Пруссии. Для него победа этой страны над Францией в 1871 г. была неоспоримым аргументом в пользу монархического режима сильной личной власти. В этот период усилились преследования турецких сторонников конституции, парламента («новых османов»), которые вынуждены были эмигрировать в Европу¹¹. Махмуд Недим-паша, ни в чем не противоречивший султану, представлялся ему подходящим и прилежным исполнителем его воли.

Об относительной стабильности Порты и ее политического курса в 50—60-х годах и неурядицах, начавшихся в 1871 г., писал Н. П. Игнатьев. Несмотря на враждебное в целом отношение лидеров Танзимата к России, он отдавал должное их талантам и значению: «Благодаря сильной личности, своему престижу и влиянию во дворце покойному Аали-паше удавалось в течение своей жизни преобладать и над консерваторами, доходившими до крайности, и над теми, кто хотел возродить Турцию в западном смысле, радикально порвав с прошлым. После смерти Аали-паша эти две партии столкнулись»¹².

Резкий поворот в политике Порты и отход ее от принципов Танзимата после 1871 г. отмечает и Э. З. Карал: «...со смертью Аали-паши в 1871 г. закрылась школа Рашид-паши и нарушилось установившееся в 1839 г. равновесие между Портой и султанатом»¹³. Американский исследователь Танзимата Родерик Дэвисон особо выделяет 1871—1875 гг. как «период хаоса», считая, что в эти годы имел место заметный регресс по сравнению с эпохой Танзимата и что теперь «полезным мероприятиям скорее мешали, нежели способствовали»¹⁴.

Реформы 50—60-х годов в экономике, законодательстве и административной сфере, по замыслу их инициаторов, представителей высшей османской бюрократии, должны были приостановить начавшийся распад империи, укрепить государство, приобщив его к достижениям европейской цивилизации. И хотя в годы Танзимата для этого было сделано немало, конечные результаты оказались ниже ожидаемых. Преодолеть значительное отставание Османской империи в предполагавшиеся сроки и теми методами, которые были доступны правительству, оказалось делом невозможным. Более того, те мероприятия, которые удалось осуществить, обострили национальные и социальные противоречия в османском обществе, т. е. ускорили объективный процесс становле-

ния национального самосознания и роста национально-освободительного движения народов Османской империи, единство которой в течение нескольких веков поддерживалось лишь военной силой. Вот почему реформы Танзимата вызвали разочарование в самых различных кругах османского общества, а последовавший отход от его принципов был своеобразной реакцией на неудачи реформ. На некоторое время в Порте возобладали консервативно настроенные сановники, считавшие, что все беды проистекают от «европеизации» и что следует вернуться к традиционным, старым методам управления.

К числу таких политических деятелей принадлежал и великий везир Махмуд Недим-паша, который в отличие от своих предшественников Аали-паши и Фуад-паши обладал крупным личным состоянием и пользовался авторитетом среди «старых турок» (так Н. П. Игнатьев называет консервативных сановников). Новый великий везир был убежден, что ориентация на Запад оказалась пагубной для Османского государства, а инспирированные им реформы не принесли пользы¹⁵. При нем существенно возросло влияние русского посла, за что турки прозвали великого везира «Недимовым». Как известно, Россия с самого начала без энтузиазма отнеслась к предполагавшимся в Турции реформам, не верила в возможность их осуществления и заметная внешнеполитическая переориентация Порты также косвенно свидетельствовала об отходе от принципов Танзимата.

Но расположение султана и великого везира к русскому послу объяснялось не только политическими соображениями, ситуацией в Европе и личными убеждениями. Имела значение и позиция Н. П. Игнатьева в вопросе о престолонаследии в Турции. Вопрос этот на протяжении веков был поводом для дворцовых интриг и борьбы членов Османской династии за трон, нередко завершавшейся истреблением претендентов, а также находившихся у власти султанов. По установленной диваном традиции, начиная с 1617 г. (года прихода к власти султана Ахмеда I) престол переходил к старшему члену династии Османов, что часто приводило к наследованию власти представителями не прямой, а боковой линии. Согласно этой традиции после смерти Абдул Азиза должен был править его племянник Мурад, сын покойного султана Абдул Меджида (1823—1861). Абдул Азиз же намеревался оставить престол своему сыну Юсуфу Иззетдину¹⁶. Династические планы султана поддерживал русский посол, тогда как англичане отнеслись к этой идее весьма прохладно, опасаясь в случае ее осуществления гражданской войны и вероятного расчленения империи¹⁷.

Вследствие новой ориентации Порты ее отношения с Англией несколько обострились. Многие англичане были уволены с турецкой службы. Была прекращена выплата жалованья инженерам английской паровой компании «Азизие Стимшип Компани».

Задолженность правительства английским компаниям была в конце концов выплачена под угрозой конфискации англичанами одного из турецких судов, стоявших в Золотом Роге¹⁸.

Во внутренней политике Порты также последовали заметные перемены. Недим-паша удалил из столицы наиболее способных сановников Хуссейна Авни, Рюштю-пашу, Эмин-бея и др., сотрудничавших с Аали-пашой в проведении реформ. Привилегии немусульманам, объявленные актами 1839 и 1856 гг., теперь ущемлялись. В 1873 г. Порта издала несколько постановлений, ограничивавших права христиан в деле народного образования в Боснии и Герцеговине. Согласно султанскому указу, городские училища, содержавшиеся на средства православных общин, были переданы в ведение министерства просвещения, а общинам было оставлено право управлять лишь сельскими школами. Это постановление, урезывавшее права христиан Боснии и Герцеговины, вызвало недовольство населения этих провинций. В результате начались аресты христиан по обвинению в заговоре. Часть населения Боснии вынуждена была бежать в Австрию, что позволило турецким властям обвинить многих босняков в подстрекательстве к мятежу. В конце концов, боясь расширения масштабов волнений, Порта согласилась на амнистию бежавших. Но это восстановило порядок в областях только на время¹⁹.

Турецкое правительство инспирировало в 1873 г. ряд судебных процессов против священников, учителей и торговцев в Боснии, что было прямым нарушением статей Гюльханейского хатт-и шерифа 1839 г. и хатт-и хумайюна 1856 г.²⁰ В 1872—1875 гг. имели место притеснения боснийских торговцев, часть которых также вынуждена была бежать в Австрию²¹. Волну возмущения на Балканах вызвал инцидент в Подгорице (Босния) — убийство 28 христиан, в котором были непосредственно замешаны турецкие власти, что дало новый повод для дипломатического вмешательства европейских держав, потребовавших расследования этого случая и наказания виновных²².

В 1874—1875 гг. турецкое правительство, несмотря на голод в результате неурожая, подняло десятинный налог на сельскохозяйственные продукты в балканских провинциях. Сборщики податей грозили арестом тем жителям Боснии и Герцеговины, которые отказывались платить налоги в требуемом размере. Несогласные, боясь расправы, ушли в горы. Стремясь к локализации движения, правительство назначило в эти провинции новых вали. Но перемещения должностных лиц не внесли существенного изменения. Движение распространялось на новые территории²³.

В 1872 г. была проведена новая административная реорганизация — разукрупнение вилайетов, что, по существу, свело на нет результаты административных реформ 50—60-х годов, направленных на централизацию империи и укрепление центральной власти. Столь частые изменения, которым подвергалось административно-

территориальное устройство Османского государства за сравнительно короткое время, происходили из-за отсутствия надлежащего учета экономических, национальных и других особенностей тех или иных местностей, что не могло не сказаться на внутренней стабильности. Недим-паша полагал, что легче управлять небольшими вилайетами.

Стремясь изыскать финансовые ресурсы, великий везир значительно сократил число чиновников, оставшимся урезал жалованье, уменьшил содержание и вали. Были отстранены от службы иностранные инструкторы. Бесконечные перемещения в администрации сделались нормой. За 11 месяцев пребывания у власти Махмуда Недим-паши сменилось пять военных министров, четыре министра морского флота, четыре министра юстиции, пять министров финансов и др.²⁴. В то же время Недим-паша никак не пытался ограничить безудержные траты султана и его двора. Внутренний заем, сделанный Портой, равнялся 22 млн. ф. ст.²⁵.

Дефицит бюджета, обнаруженный в 1872 г. преемником Махмуда Недим-паши Мидхат-пашой, составил 3 млн. лир, тогда как в реестре, представленном Недим-пашой секретарю султана, указывалось, что доходы государства превышают расходы на сумму 500 тыс. лир. Далее было установлено, что бывший великий везир сознательно запутывал финансовые дела, чтобы получать все новые деньги для двора. На личные расходы султана им было передано 10 млн. лир. Кроме того, в соответствии с нравами своей эпохи он и сам расхищал государственные средства: как выяснилось, им было присвоено не менее 100 тыс. лир, в чем Недим-паша под тяжестью улик был вынужден сознаться²⁶.

В сфере идеологии начало 70-х годов также характеризуется отступлением от принципов Танзимата. Официально господствовавшая в те годы доктрина «османизма» возникла примерно в 30-х годах XIX в., в период правления Махмуда II, но широкое распространение получила в середине века. Она была создана в противовес идеям национальной независимости и самостоятельного существования нетурецких народов. Сами лидеры Танзимата считали себя не сторонниками турецкого государства (эта идея тогда не нашла еще полного и осознанного выражения), а «османами, которые служат... Османскому государству и исламу»²⁷. Более того, они боролись с любыми проявлениями национализма нетурецкого населения, очевидно, не понимая его сущности и чувствуя в нем угрозу единству империи, которое они отстаивали. Народные выступления в различных частях Османского государства они считали лишь проявлением недовольства местными условиями, деятельностью тех или иных чиновников или мятежами, спровоцированными иностранными государствами. В соответствии с этим и строилась политика Порты, направленная на сохранение целостности империи.

В годы правления Махмуда II и позже, в период Танзимата

были отменены различия в одежде мусульман и народов других вероисповеданий, заложены основы европейской гражданской и правовой системы, распространявшейся на всех подданных; немусульмане стали привлекаться на государственную службу. Порта пошла на расширение прав и привилегий немусульманских общин, согласилась на создание новых миллетов (религиозных общин) — армяно-католического, греко-униатского, болгарского экзархата, что объективно способствовало укреплению национального самосознания и стремлению к независимости немусульманских народов и тем самым подрывало основы доктрины османизма²⁸.

В начале 70-х годов в официальной идеологии Порты наметились черты нового направления — «исламизма», отрицавшего необходимость «европеизации» страны, полагавшего, что она как путь развития неприемлема для османского общества²⁹. Вкратце концепция исламизма сводилась к следующему. Главная причина упадка Османской империи кроется в отходе от основ ислама, причем не позднейших его установлений, принятых улемами суннитского толка, а первоначальных и подлинных принципов, искаженных впоследствии. Поскольку в первоначальном исламе заложено все необходимое для развития османского общества, то нет нужды обращаться к Западу. В свое время западная цивилизация воспользовалась достижениями мусульманских народов; теперь последними возможно усвоение западной науки и технологии, чему ислам никоим образом не препятствует. Однако, что касается государственного управления, права, воспитания и общественных традиций, то они должны остаться в сфере ислама³⁰.

Сторонники исламизма утверждали, что отсталость мусульманского общества со всей очевидностью обнаружилась после того, как оно оказалось в зависимости от иностранных государств. Прежде всего она была замечена европейскими нациями и совершенно ошибочно истолкована ими как следствие религии, т. е. заблуждений шариата. Такой подход, по мнению исламистов, с одной стороны, объяснялся традиционной подсознательной ненавистью христиан к мусульманам и исламу, а с другой — наличием больших расхождений в истолковании ислама, закрывающих его подлинную и первоначальную сущность. Далее, говорили они, «всеобщая болезнь» мусульманского мира укрепила такое убеждение, хотя положение Востока европейцы в состоянии объяснить лишь с позиций своего собственного мировоззрения, чего явно недостаточно. Самым же печальным, по их мнению, было то, что часть мусульман поверила подобным утверждениям³¹.

Одним из теоретиков доктрины исламизма был Джемаледдин-аль-Афгани, прибывший в 1870 г. в Стамбул по приглашению великого везира Аали-паши для чтения проповедей в мечетях Айя-София и Ахмедие. Обвиненный в ереси шейх-уль-исламом Хасаном Фехми, он уже вскоре, в марте 1871 г. уехал в Каир. Однако его выступления имели большое воздействие на население Стам-

була, оживили религиозные настроения и способствовали активизации антиевропейской пропаганды³².

Полуофициальный орган газета на французском языке «Ля Турки» в 1871 г. печатала материалы о необходимости связать разрозненные мусульманские элементы империи, включая Египет и Тунис. «Ислам — не только религия, но и национальность... Арабы, как и турки, признают султана в Стамбуле законным сувереном и халифом», — утверждала она³³.

Ярким примером такой пропаганды была публикация в газете от 17 июня 1871 г. статьи, озаглавленной «Мусульманское единство», которое провозглашалось единственным средством для решения Восточного вопроса в соответствии с современным принципом многонациональных государств. В качестве конкретной меры в этом направлении предлагалось решительно пресечь поползновения к независимости египетского хедива Исмаил-паши. Автор статьи считал необходимым разделить Египет на четыре эйялета, которые управлялись бы обычными губернаторами, разместить там турецкие войска, а египетские отослать в другие провинции империи³⁴. По свидетельству Н. П. Игнатьева, тогда этот проект отражал мнение меньшинства государственных деятелей Турции. Великий везир Аали-паша отмежевался от всякой причастности к нему и выразил сожаление по поводу «абсурдных преувеличений прессы»³⁵.

Но вскоре настроения в Порте заметно изменились, что стало очевидным из следующих ее политических и военных мер. Обширная территория Аравийского полуострова, лишь номинально зависевшая от Порты, управлялась местными вождями, которые даже не несли никаких повинностей. Туда был направлен экспедиционный корпус, который должен был подчинить местное население Порте, реорганизовать Йемен и соседние с ним территории в эйялет по примеру других османских территорий. Командующего корпусом Эссад-пашу, который был назначен генерал-губернатором Йемена, сопровождали четыре мутессарифа и целая армия чиновников, число которых достигло пятисот. Комментируя новые политические шаги Порты, временный поверенный в делах России в Стамбуле Кумани писал: «Турки едва ли сумеют заставить арабов оценить преимущества оккупации мусульман. Напротив, можно предвидеть, что если туча чиновников-турок с их всем известными инстинктами грабежа и продажности свалится на эту страну, то можно предвидеть, что арабы восстанут и создадут большие трудности для османского правительства. Однако Порту не страшит эта опасность. Султан в особенности уже давно грезит лишь Аравией. Говорят, он хочет найти во владении отдаленными арабскими территориями компенсацию за потери своих предшественников в Европейской Турции»³⁶.

Воспользовавшись идеей мусульманского единства в качестве основания своей политики на Арабском Востоке, Порта в те годы

все еще сохраняла иллюзии османизма о возможности удержать оставшиеся в пределах империи балканские земли. Она согласилась на создание в 1872 г. болгарского экзархата, т. е. на отделение болгарской церкви от греческой, имея в виду предупредить грозившее образование независимой Болгарии. Все еще имели место проекты расширения прав Порты на вассальных балканских территориях.

Один из таких проектов известного турецкого политического деятеля Мидхат-паши и министра иностранных дел Халиль Шериф-паши серьезно обсуждался не только в Порте, но и в кругу иностранных дипломатов в Стамбуле. Проект этот предлагал, взяв за образец объединение Германии и Италии, включить воинские формирования лишь номинально зависевших от Порты Сербии и Румынии в османскую армию на условиях некоторых политических и территориальных уступок этим странам. Проект был горячо поддержан английским послом Генри Эллиотом, однако он не был реализован, так как ни Сербия, ни Румыния не решились принять в качестве командующих своими войсками турецких пашей, даже если бы они, как обещал Халиль-паша, умели говорить по-сербски и по-румынски³⁷.

Неудача подобных проектов придавала большую привлекательность в глазах султана и его окружения идеям мусульманской солидарности, тем более что инициатива их исходила не только от Порты. Как сообщал в 1873 г. Н. П. Игнатьев: «Стамбул становится местом паломничества для единоверцев султана из различных стран Азии... Туда прибыли посланцы из Бухары, Коканда, Аче (Суматра), Кашгара. Частота этих миссий доказывает, что идея мусульманского единства насчитывает приверженцев в наиболее отдаленных странах, что подогревает в Порте надежды распространить влияние султана на все мусульманские государства...» При этом следует заметить, что эти посланцы приезжали просить поддержки или посредничества султана в конфликтах с другими государствами. Например, такой поддержки добивался посланец Аче в конфликте с голландцами. Однако в силу глубокого политического и экономического кризиса Османской империи оказать какую-либо помощь Порты не могла, а поэтому ограничивалась советами „жить в добром согласии со всеми соседями“»³⁸.

Очень важным для Порты вопросом, под который также подводилась идея мусульманского единства, был обсуждавшийся в 1872—1873 гг. вопрос о привлечении в османскую армию курдов-мусульман. Необходимость такой меры была вызвана значительным уменьшением численности мусульманского населения во всех провинциях империи вследствие почти непрерывных войн на протяжении нескольких столетий³⁹. Обескровленная османская армия нуждалась в пополнении, однако христиан в нее так и не решились допустить, несмотря на многолетние дебаты в правительстве по этому вопросу. Как говорилось выше, неудача постигла и про-

ект о привлечении контингентов войск номинально зависевших от Порты балканских государств. В распространении и укреплении исламской идеологии Порты видела средство поддержать сильно пошатнувшийся престиж империи. Содержавшиеся и в программе «новых османов» идеи исламизма были притягательны тем, что как будто бы давали возможность сдержать возрастающую политическую и экономическую экспансию европейских держав на Ближнем Востоке⁴⁰.

Представители крайнего направления в исламизме считали, что упадок мусульманских народов и возрастающая власть европейцев — это гнев и наказание аллаха за отступничество от догматов шариа. Идеи реформ и конституции они не принимали ни в каком виде. Представители же умеренного направления аргументировали свое отрицательное отношение к новым веяниям тем, что конституционная форма правления никогда не была свойственна мусульманским государствам. Помимо того, заявляли они, если конституционная форма правления и годится для европейских народов, то в условиях Османской империи, где основная масса мусульман неграмотна и необразованна, пользу от подобных перемен получат только христиане⁴¹.

Распространение подобной идеологии в 70-х годах было проявлением недовольства неудачами танзиматских реформ и, что не менее важно, реакцией на возросшее вмешательство европейских держав во внутренние дела Османского государства. В течение всего XIX века ислам был барьером, сдерживавшим и проникновение в империю этих держав, и тенденции к «европеизации» внутри османского общества. В борьбе с другими идеологическими течениями в ходе исторического развития исламизм постепенно трансформировался в панисламизм, который господствующим и официальным идейным течением стал лишь в годы правления султана Абдул Хамида II (1876—1909)⁴².

Характеризуя идейную борьбу в правящих кругах Османской империи начала 70-х годов XIX в., турецкий историк Ниязи Беркес писал, что «из трех тенденций, определяемых как исламизм, европеизм, национализм»⁴³ в коротком и кризисном периоде 1871—1876 гг., последовавшим за Танзиматом, возобладала первая. В это время были прекращены усилия, которые около полустолетия прилагались в направлении западной цивилизации. Показателем конца Танзимата явилась смерть Аали-паши в сентябре 1871 г., подвергавшегося резкой критике „новых османов“. Теперь направление этой критики изменилось, так как новый период оказался хуже Танзимата, поддерживавшегося Аали-пашой...»⁴⁴.

Как уже говорилось, 31 июля 1872 г. Недим-пашу сменил на посту великого везира Мидхат-паша. Не последнюю роль в этом назначении сыграла английская дипломатия, обеспокоенная усилением русского влияния в Порте (Мидхат-паша был известен своими проанглийскими симпатиями). Его пребывание у власти было,

однако, непродолжительным⁴⁵; после него на посту великого везира за три года, с 1872 по 1875 г., сменилось пять человек (всего было шесть назначений)⁴⁶.

Весь этот период был отмечен борьбой внутри Порты, интригами, вмешательством послов великих держав, что, хотя имело место и в прошлом, теперь значительно усилилось. Каждый новый великий везир окружал себя «своими людьми», удалял противников, отменял распоряжения предшественника и занимался укреплением своих собственных позиций.

Внутренняя нестабильность в стране, неумение султана Абдул Азиза справиться с возмставшими политическими и экономическими трудностями, кроме того, и неотвратимый процесс развития национально-освободительного движения народов Османской империи и попытки правящих кругов жестоко подавить его привели к военному конфликту с Россией в 1877—1878 гг. Все это, вместе взятое, ускорило дальнейший распад Османского государства.

¹ Записки графа Н. П. Игнатьева (1864—1874 гг.).— «Известия Министерства иностранных дел». Кн. I—III. Пг., 1914, с. 100—101.

² Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952, с. 23—24.

³ И. Д. Фадеева. Английская экспансия в Турции после Крымской войны в 50—60-е годы XIX в.— Тюркологический сборник 1976. М., 1978, с. 172—176.

⁴ Б. Э. Нольде. Внешняя политика. Исторические очерки. Пг., 1915, с. 93—94.

⁵ Там же, с. 96.

⁶ АВПР. Отчет министра иностранных дел за 1871 г., л. 101.

⁷ Записки графа Н. П. Игнатьева. Кн. I, с. 145.

⁸ АВПР, ф. Канцелярия, Константинополь, 1873, д. 24, л. 26—26 об.

⁹ Записки графа Н. П. Игнатьева. Кн. I, с. 145.

¹⁰ R. Davison. Reform in the Ottoman Empire 1856—1876. Princeton, 1963, с. 279.

¹¹ E. Z. Karal. Osmanlı tarihi. T. VII. Ankara, 1956, с. 68—69.

Согласно периодизации деятельности «новых османов», предложенной советским историком Ю. А. Петросяном, конец 1870—начало 1873 гг. составляют третий и последний этап, когда практическая деятельность их ограничивалась в основном Стамбулом. В начале 1873 г. правительству удалось формально ликвидировать деятельность «новых османов». Руководители движения были сосланы в отдаленные провинции (Ю. А. Петросян. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции». М., 1958, с. 69—70).

¹² Записки графа Н. П. Игнатьева. Кн. I. 1915, с. 146.

¹³ E. Z. Karal. Osmanlı tarihi, с. 68.

¹⁴ R. Davison. Reform in the Ottoman Empire, с. 244.

¹⁵ Записки графа Н. П. Игнатьева. Кн. I, с. 146.

¹⁶ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1865, д. 38, Н. П. Игнатьев — А. М. Горчакову, 1/13 февраля, л. 34—36 об.

¹⁷ J. L. Farley. The Decline of Turkey. L., 1875, с. 5.

¹⁸ Там же, с. 7—9.

¹⁹ Е. В. Елисеева. Начало восстания в Герцеговине в 1875 г.— Труды Томского государственного университета. 1960. Т. 150, с. 10.

²⁰ История Югославии. Т. I. М., 1963, с. 609; Н. П. Данилова. Церковная борьба в Боснии в 70-х гг. XIX в. (по донесениям русского консула в Са-

раеве).— Вопросы первоначального накопления капитала и национальных движений в славянских странах. М., 1972, с. 237.

²¹ С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-х гг. XIX в. М., 1970, с. 298.

²⁹ Н. И. Хитрова. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М., 1979, с. 302—303.

²³ Там же, с. 300—301.

²⁴ E. Z. Karal. Osmanlı tarihi, с. 70.

²⁵ Записки графа Н. П. Игнатьева. Кн. IV, с. 148.

²⁶ И. Е. Фадеева. Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1977, с. 61—62.

²⁷ R. Davison. Nationalism as an Ottoman Problem and the Ottoman Response.— Nationalism in a Non-national State: The Dissolution of the Ottoman Empire. Wash., 1977, с. 35.

²⁸ Часть правящей верхушки продолжала придерживаться концепции османизма до полного краха империи в 1918 г.

²⁹ Said Halim paşa. Buhranlarımız. Istanbul, [1973], с. 31—32.

³⁰ Там же, с. 32.

³¹ Там же, с. 171—173.

³² R. Davison. Reform in the Ottoman Empire, с. 271.

³³ Цит. по: M. Sabry. L'empire égyptien sous Ismail. P., 1933, с. 126.

³⁴ «La Turquie», 17/29.VI.1871.

³⁵ АВГР, ф. Канцелярия, Константинополь, 1871, д. 32, л. 143 об.

³⁶ АВГР, ф. Канцелярия, Константинополь, 1871, д. 32, л. 355 об.

³⁷ АВГР, ф. Канцелярия, Константинополь, 1872, д. 28, л. 284 об.—304.

³⁸ АВГР, ф. Канцелярия, Константинополь, 1873, д. 25, л. 237—238, 240 об.

³⁹ Там же, л. 367.

⁴⁰ Ю. А. Петросян. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, с. 58.

⁴¹ E. Z. Karal. Osmanlı tarihi, с. 315—316.

⁴² В годы Танзимата и в последующий период (1871—1876 гг.) большое распространение в среде турецкой интеллигенции получают идеи «новых османов», в которых наряду с идеями османизма и исламизма содержались элементы сформировавшейся позднее идеологии турецкого национализма. В целом приобщение Турции к европейской цивилизации было неизбежным и необратимым историческим процессом. Временные отступления могли затормозить его, но ненадолго.

⁴³ По-видимому, имеется в виду пантюркизм, начавший распространяться в конце XIX в., поскольку турецкий национализм, как идеологическое течение, оформился позднее.

⁴⁴ N. Berkes. Türkiye'de çağdaşlaşma. Ankara, 1973, с. 27.

⁴⁵ И. Е. Фадеева. Мидхат-паша..., с. 60—65.

⁴⁶ E. Z. Karal. Osmanlı tarihi, с. 72.